
ИВАН ВОЛЕВОЙ
ПРАВО НА ПЕПЕЛ
ФОРПОСТ НА КОСТЯХ
18+

Иван Волевой
Право на пепел

https://litres.ru/74935699
SelfPub; 2026

Аннотация

Когда тебя выбрасывают за ворота клана с одним рожком патронов, выход один — построить собственную крепость на костях старого мира.

Бывший кризисный переговорщик Марк Воронцов привык считать риски и закрывать сделки любой сложности. Но после «Ржавой лихорадки» валютой стали не деньги, а солярка, свинец и доступ к довоенной сети координации «Ковчег-9». Захватив старую лесопилку на краю Серой Лощины, Марк начинает превращать ее в неприступный форпост.

В этом ему помогут те, кому больше нечего терять: снайпер-одиночка Кира Соболь, идущая по следу похищенной сестры, и старый механик Крот, способный оживить любой довоенный генератор. Вот только на их землю и редкие чертежи уже положили глаз бойцы жестокого синдиката «Железный Тракт».

Жесткое выживание без роялей в кустах, прокачка базы, охота на мутантов, мужская дружба и бескомпромиссные разборки с рейдерами. За право на пепел придется платить свинцом и кровью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	37

Иван Волевой
Право на пепел

Глава 1

Дождь в Серой Лощине всегда пах не свежестью, а мокрой золой и ржавым железом. Он сеял с низкого, цвета старого свинца неба уже третьи сутки, превращая разбитую бетонку в скользкое месиво, в котором вязли и сапоги, и колёса, и любая надежда дотянуть до темноты сухим.

Марк сидел на корточках за остовом сгоревшего топливозаправщика, прижав к плечу потёртый приклад «Вепря», и считал вдохи. Семь секунд вдох, четыре — задержка, семь — медленный выдох через стиснутые зубы. В двадцати метрах впереди, за покосившимся забором старой лесопилки, двигались двое.

Не люди. Люди не ходят так, словно у них вместо коленей заржавевшие дверные петли, и не принюхиваются к воздуху с влажным, хриплым присвистом, от которого по загривку ползёт ледяной озноб.

«Гончие» первого круга. Кожа на их ребрах натянулась и потемнела, превратившись в бугристую корку, похожую на спекшуюся смолу. Вдоль позвоночника бугрились острые костяные гребни, прорвавшие остатки грязной одежды. Та-

ких ещё брала крупная картечь с пятнадцати шагов, если бить точно в основание шеи или в височную кость. В грудь стрелять было бессмысленно — плотный хитиновый панцирь над лёгкими только высекал искры и злил тварь.

Марк скосил глаза на запястье. Под грязным манжетом штормовки тускло мигал узкий браслет довоенного координатора — единственная вещь, которую он успел вырвать из сейфа перед тем, как люди коменданта «Северного Вала» вышвырнули его за ворота с одним рожком патронов и флягой мутной воды.

— Двое. Биосигнатура: класс «Бегун», мутация тридцать четыре процента, — едва слышно прошептал терминал в костном наушнике. — Периметр объекта «Лесопилка-4» нарушен. Рекомендуемый расход боекомплекта: не более четырёх единиц.

— Спасибо, кэп, — беззвучно шевельнул губами Марк. В рожке оставалось шесть.

Он дождался, пока первый заражённый отвернётся к луже мазута, и плавно перенёс вес на правое колено. Никакой суеты. В прошлой жизни Марк закрывал сделки на сотни миллионов, сидя напротив людей, у которых вместо совести был калькулятор, и давно усвоил главное правило любого торга: первым дёргается тот, кто не просчитал цену выхода.

Выстрел разорвал сырую тишину двора, как удар кувалды по рельсу. Картечь снесла левую половину черепа первой твари, отшвырнув её на груду гнилых поддонов. Второй

«гончий» не побежал — он буквально прыгнул с места, как спущенная стальная пружина, стелясь над землёй на четырёх конечностях.

Марк не стал отступать. Он шагнул навстречу, уходя с линии броска влево, и всадил второй заряд в упор, прямо под нижнюю челюсть, когда тварь уже заносила когтистую лапу. Чёрная, густая как деготь кровь брызнула на рукав куртки. Тело мутанта по инерции проехало по грязи ещё пару метров и затихло у самых его ботинок.

Марк замер, вслушиваясь в дождь. Пять секунд. Десять. Двадцать. Из лесного массива за периметром не доносилось ни треска веток, ни характерного клацанья челюстей. Значит, эти двое были отбившимися разведчиками, а не авангардом стаи.

Он выдохнул, проверил затвор и быстрым, деловым шагом двинулся к главному цеху лесопилки. Времени до темноты оставалось меньше часа, а ночевать под открытым небом в Серой Лощине мог только самоубийца.

Внутри пахло прелыми опилками, плесенью и старым машинным маслом. Крыша из гофрированного железа местами прохудилась, но северная стена из толстого шлакоблока уцелела полностью, а тяжёлые откатные ворота ещё держались на верхних рельсах. Если завалить пролом в западном углу бетонными блоками со двора и поставить распорки на двери — получится вполне сносная нора.

В дальнем углу цеха, за ржавым ленточным станком, Марк

наткнулся на то, ради чего вообще тащился сюда семь километров по грязи. В полумраке тускло поблескивал массивный металлический шкаф с гербом резервного узла связи.

Он сбил навесной замок ударом приклада, откинул тяжёлую дверцу и прижал ладонь с браслетом к пыльному сканеру.

На секунду ничего не происходило. Потом внутри шкафа глухо щёлкнуло реле, загудел пробуждающийся конденсатор, и на мутном экране вспыхнули строгие янтарные строки:

«Идентификация оператора: Воронцов М. А. Допуск: инженер-координатор. Объект: Узел снабжения № 412 (Лесопилка). Статус: заброшен. Целостность периметра: 41%. Доступен разворот автономного форпоста».

Марк криво усмехнулся, вытирая мокрое лицо тыльной стороной ладони. Вот теперь можно было начинать торг с этим миром.

— Принято, — сказал он вслух пустому цеху. — Запускай диагностику ресурсов. Нам здесь жить.

Он ещё не знал, что ровно в эту секунду в четырёхстах метрах к востоку, на обрыве над старым карьером, в оптическом прицеле чьей-то винтовки перекрестие медленно сместилось с мёртвого мутанта у ворот прямо на проём двери, в котором скрылась его спина. И палец на спусковом крючке замер в миллиметре от срыва.

Глава 2

Терминал «Ковчега-9» гудел ровно, с тихим, почти утробным низкочастотным вибрато, какое бывает только у старых военных трансформаторов, переживших не одну смену режимов. Янтарный свет экрана выхватывал из полумрака цеха острые скулы Марка, мокрую полосу на рукаве его куртки — след от чёрной крови второго «гончего» — и ржавые зубья ленточной пилы за его спиной.

Марк не спешил радоваться. В «Северном Валу» он слишком много раз видел, как люди ломались не от голода и не от клыков мутантов, а от преждевременной эйфории. Найдёт такой бедолага целый склад консервов или рабочую рацию, расслабит плечи, снимет палец со спусковой скобы — и через десять минут его уже тащат за ноги в кусты те, кто сидел тише и смотрел дальше.

— Диагностика завершена, — сухо отчитался синтезированный голос в костном наушнике. — Энергоснабжение узла № 412: резервная аккумуляторная батарея, остаточный заряд девятнадцать процентов. Срок автономной работы в режиме ожидания — одиннадцать часов сорок минут. Доступные ресурсы в секторе радиусом сто метров: древесина строительная — высокий объём; металлолом конструкционный — средний объём; топливо дизельное — критически низкий объём. Внимание: зафиксировано нарушение герметичности

периметра в трёх точках.

— Понял тебя, — тихо пробормотал Марк, прикрывая металлическую дверцу шкафа так, чтобы свет экрана не бил в разбитые окна цеха. — Включай режим пассивного сканирования. Без звуковых сигналов.

Он вынул магазин из «Вепря». Четыре патрона. Два с крупной картечью, два с пулей Полева. Для двух забредших бегунов хватит, для стаи или тройки матёрых рейдеров — только чтобы не даться живым. Из дополнительного имущества у него имелись: армейский нож с зазубренным обухом, мультитул, три мотка паракорда, полфляги воды, пачка прессованных галет и главное — узкий титановый браслет на левом запястье, за который комендант «Северного Вала» уже наверняка назначил награду в полсотни золотых марок.

Комендант Громов был человеком простым, как штык-нож: всё, что не принадлежало ему лично, он считал украденным у клана. Когда Марк отказался подписывать кабальный договор с перекупщиками «Железного Тракта» — договор, по которому «Северный Вал» брал на себя всю охрану караванов и выплату неустойки за любой пропавший ящик, получая взамен жалкие крохи солярки и медикаментов, — Громов решил, что его лучший снабженец слишком много о себе возомнил. Итог был предсказуем: ночной обыск, обвинение в саботаже и пинок за ворота под проливной дождь. Правда, Громов не учёл одной мелочи: за три года работы Марк давно скопировал мастер-ключ резервного контура

«Ковчега-9» и прихватил аварийный терминальный браслет ровно за три минуты до того, как в его комнату вломились мордовороты охраны.

Теперь назад дороги не было. Но и вперёд идти с четырьмя патронами в кармане — верная смерть.

Марк присел у узкого технологического окна, выходящего на восточный склон, где за полосой бурелома начинался старый известняковый карьер. Дождь к закату притих, превратившись в мелкую холодную взвесь, но с низины уже пополз первый вечерний туман — густой, молочно-серый, пахнущий мокрой глиной и прелой хвоей.

Именно в этот момент на гребне карьера, метрах в четырёхстах, на долю секунды вспыхнул и погас крошечный оранжевый уголёк.

Марк замер, даже дышать перестал. Огонь в открытом поле в сумерках мог развести только полный идиот... либо человек, который намеренно показывает, где он сидит.

Не прошло и пяти секунд, как в костном наушнике тонко пискнул датчик узла связи:

— Входящий вызов на открытой аварийной частоте «Ковчега». Источник: портативный приёмопередатчик, удаление четыреста двадцать метров, азимут восемьдесят четыре. Протокол шифрования отсутствует.

Марк медленно выдохнул и привалился спиной к холодному шлакоблоку. Значит, тот, кто сидел на обрыве, видел всю сцену у ворот. Видел, как он двумя выстрелами уложил

пару «гончих», видел, куда он зашёл, и, что самое важное, вместо того чтобы всадить пулю в спину, вышел на связь. Это уже был не бой. Это были переговоры. А на своей территории Марк чувствовал себя куда увереннее, чем в грязи под дождём.

Он коснулся сенсора на браслете, открывая канал.

— Говори, — бросил Марк в микрофон. Голос прозвучал ровно, без тени усталости или спешки. — Только не тяни, эфир нынче дорогой.

В динамике на пару секунд повисло сухое шипение помех, а затем раздался низкий, чуть хрипловатый женский голос, в котором не было ни страха, ни дежурной бравады:

— Два выстрела, два трупа, ни одного лишнего движения. Для человека, которого утром вышвырнули из «Северного Вала» без обоза, ты слишком чисто работаешь, Воронцов.

Марк чуть прищурился. Осведомлённость собеседницы тянула минимум на лишнюю тысячу золотых в пересчёте на довоенные деньги.

— Если ты знаешь мою фамилию и маршрут, значит, ты либо разведка Громова, либо наводчица «Железного Тракта», — ответил он холодно. — В первом случае мне не о чем с тобой говорить. Во втором — ты зря тратишь заряд батареи, у меня с собой только ржавый карабин и мокрые сапоги.

— Была бы я от Громова, ты бы уже лежал лицом в луже с дыркой в затылке ещё до того, как открыл ворота лесопилки, — спокойно отрезала женщина. — Меня зовут Соболь. И

мне плевать на твой карабин. Мне нужно то, что стоит у тебя за спиной в дальнем углу цеха.

Марк перевёл взгляд на тускло светящийся шкаф узла № 412. Картина начала складываться в чёткую, понятную схему.

— Терминал «Ковчега», — произнёс он. — Но без браслета с инженерным допуском это просто груда мёртвого железа. Даже если ты меня убьёшь, биометрический замок сожжёт плату при попытке взлома. Я проверял прошивку.

— Я в курсе, — в голосе Соболи впервые проскользнула короткая, сухая усмешка. — Поэтому ты всё ещё дышишь. Слушай расклад, переговорщик. Через два часа стемнеет окончательно. С востока, из распадка за карьером, сюда тянет стая. Не два заблудших бегуна, а голов пятнадцать, с вожаком второго круга. Они учуяли свежую чёрную кровь у твоих ворот. С четырьмя патронами ты не доживёшь до полуночи, даже если заваришь двери рельсами.

Марк на секунду замер. Откуда она знала, сколько у него осталось патронов? Посчитала по типу магазина «Вепря» в мощную оптику и вычла два выстрела. Профессионал. Не рейдерская шваль с обрезами, а настоящий следопыт-одиночка, привыкший считать каждый грамм свинца.

— Допустим, — сказал Марк, не выдавая ни малейшего беспокойства. — И какова твоя цена за спасение моей шкуры?

— У меня есть сорок патронов двенадцатого калибра, три

дымовые шашки, канистра чистого бензина и точная карта тайников в трёх километрах к северу, — чётко продиктовала Соболь. — Взамен мне нужен доступ к закрытому реестру «Ковчега» на твоём терминале. Мне нужно пробить один груз и одного человека. Плюс тёплый угол под крышей на трое суток, пока не уляжется споровый фронт.

Марк быстро прокрутил в голове условия сделки. С одной стороны, пускать вооружённого чужака внутрь единственного укрытия — риск уровня «красный». С другой — без боекомплекта и прикрытия со второго фланга он через два часа действительно превратится в ужин для стаи, и никакой терминал ему уже не понадобится. Классический кризисный выбор: либо гарантированная гибель сейчас, либо управляемый риск с шансом забрать банк.

— Условия принимаются с тремя поправками, — ответил Марк твёрдо. — Первая: в цех ты заходишь без винтовки, оставляешь её на входе в зоне моей видимости, при себе оставляешь только короткий ствол и нож. Вторая: запрос в реестр «Ковчега» я ввожу сам, ночные прогулки по моему периметру запрещены. Третья: на время сегодняшней зачистки мы работаем в связке под моим командованием, потому что узлы обороны этого двора я уже просчитал. Согласна?

На той стороне помолчали ровно три секунды.

— Винтовку оставлю у станка, но на расстояние вытянутой руки не подходи, пока не увидишь моё лицо, — ответила

Соболь. — Буду через семь минут с северного пролома. Не дёргайся, когда услышишь свист.

Канал связи отключился.

Марк не стал сидеть сложа руки в ожидании гостьи. Семь минут в условиях приближающейся ночи — это целая вечность, если тратить её с умом. Он подошёл к терминалу, быстро вызвал на экран схему объекта и нажал клавишу принудительного распределения энергии.

— Отключить освещение административного блока, — скомандовал он, пробегая пальцами по тугим клавишам. — Перевести остаток заряда на контур внешней сигнализации и лебёдку кран-балки в главном пролёте.

Система отозвалась тихим писком, перебрасывая мощность. С потолка цеха с глухим лязгом размотался толстый стальной трос тельфера, зависнув в двух метрах над бетонным полом прямо напротив центральных ворот. Марк подтащил к нему три тяжёлые металлические бочки из-под солидола, зацепил их крюком и приподнял на метр от земли, зафиксировав тормоз. Простое, грубое, но чертовски эффективное препятствие: если твари прорвут створки, шестисоткилограммовый маятник сметёт первую волну обратно во двор, выиграв драгоценные секунды на перезарядку.

Затем он схватил кусок арматуры, выскочил на пару минут в сумерки у западной стены и наскоро вбил в трещины бетона четыре растяжки из паракорда на высоте щиколотки. Не убьёт, но на скорости «гончие» кубарем полетят в грязь,

открывая небронированные затылки.

Ровно на седьмой минуте со стороны северного пролома донёсся короткий, чистый свист, похожий на крик ночной птицы.

Марк встал в тень за массивной станиной токарного станка, держа «Вепрь» наизготовку, но стволом вниз.

— Заходи медленно, руки на виду, — негромко сказал он.

Из проёма, заваленного обломками шифера, бесшумно скользнула невысокая, поджарая фигура в длинном прорезиненном плаще цвета мокрой коры. Она двигалась так легко и пластично, словно под подошвами её высоких шнурованных берцев не хрустел битый кирпич. Подойдя к ржавому ленточному станку, женщина плавным движением сняла с плеча длинную снайперскую винтовку с обмотанным мешковиной стволом и аккуратно положила её на станину.

Потом откинула глубокий капюшон.

В тусклом янтарном отблеске терминала Марк увидел бледное, узкое лицо с высокими скулами и светлыми, почти серыми глазами, смотревшими тяжело и прямо, без тени женского кокетства. Тёмные волосы были туго затянуты в низкий узел на затылке, а через левую бровь и висок тянулся тонкий белый шрам — след старого осколка или ножа. Лет ей было около тридцати, но в складках у губ читалась та жёсткая, сухая усталость, которая бывает у людей, слишком долго спавших вполглаза с рукой на рукояти клинка.

Она окинула цех быстрым, цепким взглядом: отметила за-

блокированные ворота, подвешенные на тельфере бочки, закрытый шкаф терминала и самого Марка, стоящего в тени.

— Неплохо для десяти минут, — кивнула Соболь, сбрасывая с плеча тяжёлый брезентовый подсумок и ставя на пол пятилитровую пластиковую канистру. — Патроны сухие, латунь, картечь восемь и пять. Бензин без воды, сама перегоняла. Свою часть я принесла.

Марк вышел из тени, не опуская оружия, но и не направляя его на гостью. Он подошёл к подсумку, на ощупь проверил патроны, кивнул и отступил на два шага к терминалу.

— Вводи имя или номер контейнера, — сказал он, откидывая крышку клавиатуры. — У тебя три минуты, пока я заряжаю магазины и разливаю горючее у порога.

Кира Соболь подошла к экрану. От неё пахло холодным дождём, хвойной смолой, оружейным маслом и едва уловимым, острым запахом чистого женского тела, не испорченного дешёвым табаком или перегаром. Когда она наклонилась к клавиатуре, полы её расстёгнутого плаща разошлись, открывая обтянутую чёрным термобельём грудь, перекрестье разгрузочных ремней и кобуру с тяжёлым «Грачом» на правом бедре.

Пальцы у неё были длинные, с коротко остриженными ногтями и тёмными мозолями на костяшках. Она быстро набрала двенадцатизначный код транспортной накладной и нажала ввод.

Экран мигнул, прогоняя зелёные столбцы архивных за-

просов, и выдал короткую красную строку:

«Контейнер АР-774. Содержимое: криокапсула медицинская, серия В. Статус: перехвачен на перегоне Южный Мост. Текущая локация маяка: сектор Рудный, база синдиката «Железный Тракт».

Челюсти Киры сжались так сильно, что под кожей на скулах заходили желваки. На секунду её серые глаза полыхнули такой глухой, чёрной яростью, что Марку стало понятно: за этим контейнером стоит не просто коммерческий интерес. Там было что-то личное. То, за что люди без колебаний идут в одиночку против целой армии.

— Всё, — глухо бросила она, резко выключая монитор нажатием кнопки сброса. — Долг закрыт.

И ровно в эту секунду за южной стеной цеха, со стороны заброшенного оврага, разорвал ночную тишину долгий, леденящий душу вой — не звериный и не человеческий, словно скрежет ржавого металла по стеклу. Ему тут же отозвались ещё десяток хриплых, жадных голосов.

Стая пришла раньше срока.

Марк мгновенно вскинул «Вепрь», щёлкнув предохранителем, и бросил короткий взгляд на Соболь, которая уже перехватывала свою винтовку со станка.

— Занимай верхнюю галерею у кран-балки, — резко скомандовал он, поджигая пропитанную бензином ветошь у центрального проёма. — Бей только тех, кто прорвётся через растяжки. Патроны беречь. Ночь будет длинной.

Глава 3

Бензин вспыхнул не с хлопком, а с глухим, влажным вздохом — так загорается пропитанная соляркой ветошь в сыром подвале. Оранжевый язык пламени лизнул бетонный порог перед центральными воротами, отбрасывая на закопчённые стены цеха длинные, пляшущие тени станин и подвешенных под потолком бочек.

Кира Соболь уже поднималась по узкой железной лесенке на верхнюю галерею. Она не оглядывалась и не тратила время на пустые вопросы — только перехватила винтовку за цевьё, на ходу щёлкнув крышкой оптического прицела. Через три секунды её фигура растворилась в полумраке под самой крышей, между ржавыми фермами кран-балки.

Марк занял позицию в десяти метрах от огненной полосы, за массивным литым основанием строгального станка. Холодный чугун приятно упёрся в левое плечо. В магазине «Вепря» теперь было восемь свежих патронов с крупной картечью — сухой, тяжёлой, снаряжённой в латунные гильзы. Ещё тридцать шесть лежали в открытом брезентовом подсумке прямо у колена.

— Внимание, — прошептал костный наушник в черепе, переходя в боевой режим. — Акустическая фиксация: четырнадцать биологических целей, скорость сближения одиннадцать метров в секунду. Периметр западного пролома бу-

дет достигнут через восемнадцать секунд.

Марк не смотрел на цифры. Он слушал двор.

Снаружи нарастал тот самый звук, от которого у новичков в анклавах сдавали нервы раньше, чем кончались патроны: дробный, неровный топот десятков когтистых лап по мокрому бетону, перемежаемый хриплым, клокочущим дыханием и скрежетом когтей о листовое железо забора.

Первая тройка влетела через западный пролом на полном ходу, не сбавляя темпа. В свете горящей ветоши было видно, как по их мокрым, обтянутым тёмной коркой спинам перекатываются узловатые мышцы. Вожак бежал чуть позади — крупнее остальных на голову, с массивным гребнем сросшихся рёбер, прикрывающим грудь и плечи, словно кривой костяной щит.

На пятом метре от пролома первый «гончий» зацепил щиколоткой натянутый паракорд.

Тонкая стропа сработала безупречно. Передние лапы твари подломились, и она на полной скорости впечаталась мордой в мокрый шлак, пропахав им три метра и сбив с ног бежавшего следом сородича. Куча-мала из когтей, чёрной слизи и хитиновых гребней закувыркалась прямо перед огненной чертой.

Сверху, с галереи, сухо хлопнул выстрел — не громкий раскат, а хлесткий, приглушённый банкой ПБС удар.

Третий «гончий», который уже заносил лапы для прыжка через барахтающихся сородичей, дёрнулся в воздухе, словно

наткнулся на невидимую проволоку, и рухнул боком. Пуля вошла точно в основание шеи, туда, где хитиновые пластины расходились при наклоне головы.

— Чисто, — донёсся сверху ровный голос Соболи.

Марк не стал аплодировать. Он поймал на мушку первого упавшего мутанта, который уже пытался подняться на задние лапы, и нажал спуск. «Вепрь» привычно толкнул в плечо. Сноп картечи с десяти шагов снёс твари затылок вместе с верхним шейным позвонком. Второй выстрел ушёл следом — в соседнего «гончего», успевшего перевалиться через горящую полосу. Огонь на секунду вспыхнул ярче от брызнувшей чёрной крови, и тварь затихла, дёрнув когтистой лапой.

Минус четыре. Оставалось десять.

Но именно в этот момент вожак стаи понял, что лобовой штурм через огонь и растяжки стоит слишком дорого. Вместо того чтобы броситься следом за первыми, он резко затормозил у самого пролома, вскинул уродливую, вытянутую морду и издал короткий, режущий уши визг.

Стая мгновенно рассыпалась.

Трое прыгнули влево, в темноту за старыми штабелями горбыля. Четверо рванули вдоль наружной стены — туда, где высоко под карнизом зияли выбитые рамы вентиляционных окон. А сам вожак, прижавшись брюхом к земле, полез прямо под нижнюю балку покосившихся центральных ворот, собираясь выбить их тараном снизу.

— Двое на вентиляцию слева! — крикнула сверху Соболь,

и её винтовка дважды коротко тявкнула, выбивая каменную крошку из оконного проёма. Один мутант сорвался вниз с глухим шлепком, но второй успел проскочить внутрь цеха и рухнул на бетонный пол в пятнадцати метрах позади станка Марка.

Марк даже не обернулся — он кожей почувствовал движение за спиной и услышал влажное шипение, с которым тварь набирала воздух перед броском. Времени на разворот с длинным «Вепрем» не было.

Он просто отпустил цевьё левой рукой, выхватил из ножен на поясе тяжёлый армейский нож и резко ушёл корпусом вправо, пропуская летящую тень мимо бедра. Когти полоснули по штормовке, вспоров плотную ткань до самой подкладки, но не задев рёбер. В ту же долю секунды Марк вбил клинок снизу вверх, прямо в мягкую ткань под челюстью мутанта, и провернул рукоять.

Тварь захрипела, дёрнулась всем телом, обдав его руки горячей, воняющей аммиаком кровью, и обмякла. Марк выдернул нож, вытер лезвие о брезент штанины и снова перехватил карабин.

И вовремя.

Скрипнув погнутыми рельсами, центральные ворота выгнулись внутрь. Стальной засов с визгом лопнул, и в образовавшуюся щель ввалился вожак. Вблизи он выглядел вдвое страшнее, чем у пролома: широкая, как у бойцового пса, грудная клетка была сплошь затянута серым известковым

наростом, из плечевых суставов торчали кривые костяные шипы, а вместо глаз белели мутные, налитые кровью бельма.

Дробь такой панцирь не возьмёт. Только пуля — и только в упор.

Марк дёрнул затвор, выбрасывая недострелянный картечный патрон, и дослал в патронник пулевой Полева, который держал на этот случай в верхнем слоте магазина. Вожак припал к полу, готовясь к прыжку, но Марк опередил его на полсекунды — дёрнул левой рукой страховочный трос кран-балки, висевший прямо на стойке станка.

Тормоз лебёдки сорвался с металлическим лязгом.

Три бочки с солидолом, висевшие в полутора метрах над полом, качнулись вперёд, набирая чудовищную инерцию, и на полном ходу впечатались вожаку в левый бок. Удар шестисот килограммов железа прозвучал как столкновение двух вагонов. Костяной панцирь с треском проломился, тварь отшвырнуло на бетонную колонну, и прежде чем она успела снова встать на лапы, сверху ударила винтовка Соболи, а следом грохнул пулевой выстрел Марка. Две пули вошли почти одновременно — в висок и в основание раскрытой пасти.

Вожак дёрнулся последний раз и затих.

Оставшиеся трое «гончих» во дворе, почуяв гибель вожака, не стали лезть на рожон. Через десять секунд снаружи донёсся удаляющийся топот по мокрой щебёнке — стая уходила обратно в распадок.

В цеху повисла густая, звенящая тишина, нарушаемая только потрескиванием догорающей ветоши у порога и ровным гулом терминала в дальнем углу. Пахло пороховой гарью, горелым бензином и резкой, кислой вонью мутантской крови.

Марк медленно опустил ствол «Вепря», прислонился спиной к холодному чугуну станка и только сейчас позволил себе глубоко, до боли в лёгких вдохнуть воздух. Руки не дрожали, но в висках глухо стучала кровь.

Сверху по железной лесенке спустилась Кира Соболь. Она шла бесшумно, держа винтовку на сгибе локтя, и остановилась в трёх шагах от него, окинув взглядом сначала тушу вожака под бочками, затем зарезанного у станка «бегуна», а потом — порванный рукав его штормовки.

— Царапнул? — коротко спросила она, кивнув на разодранную ткань.

— Мимо мяса, — ответил Марк, доставая из кармана чистый перевязочный пакет и проверяя кожу под курткой. — Только куртку испортил, сволочь. У тебя как?

— Два магазина минус. Осталось шестнадцать патронов к винтовке и полная обойма к «Грачу». — Кира присела на корточки рядом с вожаком, вытащила из ножен узкий финский нож и ловким, привычным движением вскрыла костяной гребень на загривке твари. Под слоем плотного хитина блеснул тёмно-янтарный сгусток размером с грецкий орех — плотная биокристаллическая железа, ради которой охот-

ники анклавов рисковали головами в ночных рейдах. — Вот за это в «Северном Валу» дают по восемь золотых марок за штуку. В «Железном Тракте» — десять, если не нарвёшься на их патруль.

Она вытерла клинок о край плаща и подбросила тускло поблёскивающий кристалл на ладони, глядя Марку прямо в глаза:

— По условиям договора добыча в периметре форпоста делится пополам. Но я не перекупщик, Воронцов. У меня к тебе другое предложение.

Марк подошёл ближе, забирая со станка брезентовый подсумок и пересчитывая оставшиеся патроны. После боя в запасе оставалось двадцать девять штук двенадцатого калибра. Не богатство, но до утра хватит с запасом.

— Слушаю, — сказал он, присаживаясь на перевёрнутый ящик из-под инструмента. — Только без лирики, Соболь. У нас четыре часа до рассвета, а мне ещё нужно заделать три дыры в стене и запустить генератор.

Кира кивнула, прислонилась плечом к бетонной колонне и скрестила руки на груди.

— В контейнере АР-774, который я пробивала по твоему терминалу, едет моя младшая сестра, — произнесла она тихо, без малейшей дрожи в голосе, но в серых глазах снова плеснулась та холодная, белая ярость. — В медицинском стазисе. У неё редкая форма «ржавой» в скрытой фазе — вирус замер на границе костного мозга, и спасти её может

только сыворотка в лабораторном блоке Центрального Анклава на юге. Конвой выкупили на нейтральной полосе, но на перегоне Южный Мост колонну вырезали люди Палача Крестова. Они думают, что везут в сектор Рудный партию довоенных криоимплантов.

Марк помолчал, переваривая услышанное. Вот она, настоящая цена их случайной встречи. Не золотые марки и не патроны — кровная вендетта против самого сильного рейдерского синдиката в радиусе двухсот километров.

— Сектор Рудный — это укреплённый карьер с тремя кольцами охраны, вышками и полусотней бойцов на автоматическом оружии, — спокойно разложил он по полочкам. — Идти туда вдвоём — всё равно что прыгать в топку ради спички. Я не самоубийца, Кира.

— Я и не зову тебя на штурм завтра утром, — отрезала она. — Мне нужна база, через которую можно перехватывать маршруты снабжения «Железного Тракта» и выйти на закрытый аукцион «Ковчега». В одиночку я могу вырезать их дозоры в лесу, но вскрыть укреплённый периметр без координатора и тяжёлого снаряжения невозможно. Ты строишь свой форпост и собираешь людей. Я закрываю твою разведку, охоту и дальний периметр. А когда у тебя будет достаточно стали и пороха — ты поможешь мне вытащить контейнер до того, как Крестов вскроет капсулу и угробит девчонку.

Марк посмотрел на неё долгим, оценивающим взглядом. Перед ним стоял человек, которому нечего терять, но кото-

рый при этом не потерял голову. Такие союзники в новом мире стоили дороже любого золота — при условии, что ваши цели совпадают на дистанции.

— Кристалл вожака оставляешь в общий котёл форпоста, — сказал Марк, протягивая ей руку. — На рассвете мы сходим к северному ручью, проверим старую насосную станцию и соберём металлолом для укрепления ворот. Если за три дня поднимем усадьбу до первого уровня защиты и запустим дизель — считай, что у тебя есть союзник. По рукам?

Кира посмотрела на его широкую, перепачканную золой и чёрной кровью ладонь, секунду помедлила и крепко сжала её. Пальцы у неё были сухие, жёсткие и неожиданно тёплые.

— По рукам, Воронцов. Только смотри, чтобы твой терминал не подвёл, когда придут гости посерьёзнее лесных бегунов.

Она развернулась и пошла к дальнему углу цеха, где на стопке сухих досок уже лежал её спальный мешок. Марк проводил её взглядом, затем подошёл к шкафу узла № 412 и коснулся янтарного экрана.

«Зачистка периметра завершена. Получен биоматериал класса Б: железа вожака (1 ед.). Доступна конвертация в кредиты снабжения «Ковчега-9» или использование для синтеза стимуляторов. Уровень угрозы: низкий».

— Записывай в актив, — тихо усмехнулся Марк, прикрывая дверцу шкафа и проверяя засов на воротах. Первый камень в фундамент нового форпоста был заложен. И оплачен

самой твёрдой валютой этого мира.

Глава 4

Рассвет в Серой Лощине не наступал — он медленно просачивался сквозь плотную серую вату тумана, окрашивая мокрый бетон двора в цвет остывшего свинца. К пяти утра дождь окончательно выдохся, но влажный холод пробирал до самых костей даже сквозь плотную подкладку штормовки.

Марк проснулся ровно за три минуты до того, как сработал бесшумный вибросигнал браслета. В новом мире привычка спать урывками по сорок минут, держа ладонь в десяти сантиметрах от рукояти ножа, спасала жизнь надёжнее любых бетонных стен. Он бесшумно поднялся с настила из сухих сосновых досок, размял затёкшую спину и окинул взглядом цех.

Кира Соболь уже не спала. Она сидела на верхней ступеньке железной лестницы, ведущей на галерею, положив длинную винтовку поперек коленей, и медленно протирала оптику замшевой салфеткой. Услышав скрип досок под его сапогами, она даже не повернула головы:

— На востоке чисто. Двое падальщиков приходили к воротам около трёх ночи, обнюхали тушу вожака и убрались обратно в распадок. Патроны я тратить не стала.

— Разумно, — кивнул Марк, доставая из рюкзака флягу и отвинчивая крышку. Внутри плеснулось на самом донышке — от силы три глотка. — Зато у нас теперь проблема номер

один. Вода. И дизель для резервного генератора.

Он подошёл к металлическому шкафу терминала «Ковчег-9», откинул дверцу и нажал клавишу активации экрана. Янтарные строки привычно побежали по тёмному стеклу:

«Узел снабжения № 412. Заряд резервной батареи: 11%. Критический порог отключения через 4 часа 15 минут. Доступна конвертация трофея: биоматериал класса Б (железа вожака, 1 ед.) -> 120 кредитов снабжения или пакет базовых инженерных чертежей (Уровень 1). Выполнить?»

Марк на секунду задумался. В прошлой жизни он терпеть не мог тратить стартовый капитал на расходники, когда можно вложиться в средства производства. Обычный перекупщик в «Северном Валу» обменял бы кристалл на патроны и тушёнку, проел бы их за неделю и снова пошёл в лес с голой задницей. Инженер-координатор мыслил иначе: ему нужна была инфраструктура, которая сама начнёт генерить ресурс.

— Конвертировать в пакет базовых инженерных чертежей первого уровня, — скомандовал Марк, прикладывая браслет к сканеру. — И вывести топографическую привязку водозабора в секторе Северный Ручей.

Шкаф тихо щёлкнул, принимая биокристалл в герметичный приёмный лоток, а на экране развернулась чёткая схема трёх модулей: «Фильтр-опреснитель гравитационного типа», «Усиленная секция частокола с колючим контуром» и «Переносной топливный насос ручного привода». Рядом загорелась зелёная отметка в километре к северу от лесопилки

— старая водонапорная станция лесного хозяйства, укрытая в распадке за сосновым бором.

— У тебя в запасе четыре часа жизни этой железки, — заметила Кира, спустившись с лестницы и закидывая ремень винтовки на плечо. — Если мы не притащим туда солярку до обеда, твой хвалёный терминал превратится в обычный ящик для гвоздей. Идём?

— Идём, — Марк проверил магазин «Вепря» (восемь патронов в стволе, двадцать один в подсумке), повесил на плечо пустую двадцатилитровую канистру, найденную в углу цеха, и кивнул на северный пролом. — Двигаемся по старой просеке. Ты идёшь впереди метрах в тридцати, я прикрываю тыл и несу груз. Если увидишь людей — не стреляй первой. Сначала смотрим, чьи нашивки.

Тропа к северному ручью петляла между поваленными соснами, заросшими бурым мхом и жёстким папоротником, который после вспышки вируса вымахал выше человеческого роста. Воздух в лесу стоял густой, влажный, пахнущий прелой хвоей, грибницей и едва уловимой сладковатой гнилью — верным признаком того, что где-то неподалёку бродят заражённые.

Кира двигалась впереди как серая тень. Ни одна сухая ветка не хрустнула под её берцами, ни один куст не качнулся лишний раз. Марк шёл следом, отмечая про себя не только её выучку, но и то, как она держит дистанцию: на каждом повороте тропы она замирала на две секунды, перекрывая

сектор обстрела, и только убедившись, что спина напарника чиста, скользила дальше.

Через двадцать минут сквозь густой ельник проступили облупленные кирпичные стены старой насосной станции. Одноэтажное здание с плоской бетонной крышей выглядело заброшенным ещё задолго до «Ржавой лихорадки»: ржавая железная дверь была сорвана с верхней петли, стекла в узких окнах выбиты, а вокруг бетонного колодца водозабора разросся густой колючий кустарник.

Кира подняла сжатый кулак, останавливая Марка у края поляны, и прильнула к оптике.

— Двое внутри, — тихо бросила она, когда Марк бесшумно подошёл ближе и присел за стволом поваленной лиственницы. — Нет, не твари. Люди. Один сидит на ящике у входа с двустволкой, второй ковыряется в машинном зале. Судя по рваным бушлатам и самодельным обмоткам — обычные бродяги-мародёры, не синдикат.

Марк прищурился, разглядывая полуоткрытую дверь насосной. В его голове мгновенно заработал привычный калькулятор рисков. Начать перестрелку — значит потратить дефицитные патроны, поднять шум на три километра вокруг и гарантированно приманить всех «гончих» из соседнего оврага. Попробовать договориться с бродягами — риск получить заряд дроби в живот из-за канистры солярки.

Но был и третий вариант — тот самый, которым он закрывал самые сложные сделки в прошлой жизни.

— Смотри на крышу, — прошептал Марк, указывая стволом «Вепря» на старую вентиляционную трубу и свисающий с карниза обрывок громоотвода. — У того, что у двери, в ногах стоит открытый цинк с патронами, а сам он курит самокрутку прямо над старой бочкой из-под масла. Если я выйду на поляну открыто с поднятой рукой, а ты возьмёшь его на прицел с фланга — они не дёрнутся. Нам не нужна их кровь, Кира. Нам нужна солярка из подземного бака насосной и рабочие клапаны.

Соболь покосилась на него с тем самым холодным, недоверчивым прищуром, в котором читалось: «Либо ты гений, либо полный псих».

— Если он вскинет ствол — я стреляю на поражение, — коротко предупредила она. — Даю тебе две минуты.

Марк кивнул, повесил «Вепрь» на ремень за спину так, чтобы приклад оставался в пределах быстрого рывка, и спокойно вышел из-за деревьев на открытую бетонную площадку перед станцией.

— Эй, на станции! — громко, но без малейшей угрозы в голосе окликнул он, поднимая пустую левую руку на уровень плеча. — Не дёргайтесь, парни. Ствол за спиной. Я один, пришёл поговорить.

Мужик на ящике подскочил так, словно под ним взорвалась петарда. Старенькая тулка с обрезанными стволами мгновенно уставилась Марку в грудь. Второму на шум потребовалось три секунды — из тёмного проёма двери выско-

чил тощий, заросший рыжей щетиной парень лет двадцати пяти с монтировкой в правой руке и старым армейским тесаком на поясе.

— Стоять, сука! — хрипло рявкнул старший, нервно перехватывая курки. — Шаг вперёд — кишки на кусты намотаю! Кто такой, откуда припёрся?

Марк остановился ровно в пятнадцати метрах. Достаточно близко, чтобы не орать, и достаточно далеко, чтобы даже при выстреле из обреза крупная картечь дала сильный разброс.

— Зовут Марк. Сижу на старой лесопилке в километре к югу, — ровно ответил он, не сводя глаз с пальцев мужика на спусковой скобе. — Пришёл не за вашим хабаром. Мне нужна солярка из подземного резервуара и пара чугунных задвижек с коллектора. Вы, как я погляжу, уже час пытаетесь вскрыть люк топливного бака монтировкой и только погнули крышку.

Рыжий парень в дверях невольно покосился на свою погнутую монтировку, потом перевёл настороженный взгляд на напарника. Старший нахмурился, но обрез не опустил:

— А тебе-то какое дело, умник? Наша точка, мы первые нашли. Вали отсюда, пока целый.

— Ваша точка с пустым желудком и без единого шанса дотащить отсюда полную бочку на горбу, — спокойно возразил Марк. — В подземном баке насосной по нормативам должно быть литров двести старого дизеля. Без перегонно-

го фильтра и присадок вы его даже в трактор не зальёте — угробите топливную за десять минут. А у меня на лесопилке есть рабочая мастерская, чистая вода и сухая крыша. Предлагаю честный бартер: я открываю бак своим ключом, забираю сорок литров, а вам оставляю остальное плюс две банки армейской тушёнки и сухой порох для самокруток. И никто ни в кого не стреляет.

В этот момент на бетонной стене прямо в пяти сантиметрах от уха старшего мародёра на долю секунды вспыхнула и погасла крошечная зелёная точка лазерного целеуказателя. Соболь дала понять, что разговор контролирует не только Марк.

Старший мародёр дёрнулся, побелел под слоем въевшейся грязи и медленно, стараясь не делать резких движений, опустил стволы обреза в землю.

— Снайпер в лесу... — сипло выдохнул он. — Ладно, командир. Убедил. Не дури только. Открывай свой люк.

Через сорок минут сделка была закрыта без единого выстрела. Марк действительно вскрыл закисший болтовой затвор подземного резервуара с помощью мультитула и рычага из стальной трубы, скачал с помощью найденного в сарае ручного насоса две полные двадцатилитровые канистры солярки (одну свою и одну трофейную, найденную в подсобке) и аккуратно снял с нерабочего контура два латунных обратных клапана, необходимых для сборки фильтра-опреснителя.

Мародёры — их звали Степан и Лёха — оказались не бандитами, а беглыми работягами с разрушенного железнодорожного депо, которые третью неделю прятались по лесам от патрулей «Железного Тракта». Получив обещанные патроны из старых запасов Киры и узнав, что на лесопилке разворачивается укреплённый форпост с терминалом связи, Степан сам предложил зайти через два дня — помочь с кладкой стены и распиловкой брёвен в обмен на тёплый угол и долю в добыче.

Марк не стал отказывать, но адрес входа назначил строго через северный пост и только после сигнала. Первые потенциальные руки для форпоста появились быстрее, чем он рассчитывал.

На обратном пути, когда они уже подходили к просеке перед лесопилкой, Кира, шагавшая рядом с полной канистрой на плече, впервые за весь день усмехнулась:

— А ты ведь блефовал насчёт тушёнки и сухого пороха, Воронцов. У тебя в рюкзаке только галеты да моток паракорда.

— Я не блефовал, я продавал фьючерс, — невозмутимо ответил Марк, перехватывая тяжёлую канистру в другую руку. — Завтра мы запустим перегонку, возьмём на болоте пару «бегунов», сдадим железы через терминал и купим им эту тушёнку на закрытом аукционе. В бизнесе главное — никогда не обещать того, чего не сможешь закрыть до срока платежа.

К полудню резервный дизель-генератор в подсобке лесопилки, прочищенный, заправленный отстоявшейся соляркой и прокрученный вручную, чихнул клубом сизого дыма, затрясся на бетонной подушке и ровно, мощно загудел.

В цеху вспыхнули две тусклые лампы дневного света под потолком. А на экране шкафа узла № 412 янтарные буквы сменились на спокойный, уверенный зелёный цвет:

«Энергоснабжение восстановлено: 100%. Зарядка резервной батареи активна. Доступен режим строительства и модернизации форпоста: Уровень 1. Внимание: зафиксирован входной торговый сигнал локальной сети «Ковчег-9». Новое сообщение от закрытого абонента».

Марк и Кира переглянулись. Настоящая игра за территорию только начиналась.

Глава 5

Зелёный свет экрана в полумраке цеха выглядел почти нереальным — после семи лет выцветшего бетона, ржавой проволоки и мутного неба этот ровный, спокойный оттенок напоминал довоенные офисы на тридцатом этаже, где пахло дорогим кофе и озоном от кондиционеров, а любая проблема решалась одним звонком в юридический отдел.

Марк отряхнул ладони от дизельной копоти, подошёл к шкафу узла № 412 и коснулся сенсорной панели.

— Открыть входящий пакет, — скомандовал он. — Протокол проверки подписи.

Кира Соболь встала в полушаге за его правым плечом. Она уже сняла прорезиненный плащ, оставшись в тёмно-серой тактической водолазке и разгрузке, и от её плеча тянуло сухим жаром разогревшегося тела и терпким запахом ружейного масла. Серые глаза сузились, вглядываясь в бегущие по стеклу строки.

«Источник: ретранслятор сектор ТЭЦ-3 (аварийный контур). Подпись: инженер-механик III категории Борис Семёнович Игнатьев. Статус сигнала: автоматический маяк бедствия, цикл повтора каждые сорок минут. Текст: «Если в сети есть живой координатор — завалило гермодверь машинного зала после обвала перекрытий. Внутри дизель-генератор на ходу, два ящика инструмента, тридцать литров масла

и живой механик. Кислорода на двое суток. Вход через южный коллектор завален щебнем, одному не разобрать. Оплачу работой или железом».

Марк дочитал до конца и медленно выстучал пальцами по краю металлической дверцы.

— Сектор ТЭЦ-3, — произнёс он вслух. — Это в четырёх километрах к юго-западу, сразу за старой сортировочной горкой. Полгода назад там стоял передовой пост «Северного Вала», пока их не выбила споровая волна.

— И пока туда не залезли мародёры, — холодно добавила Кира, складывая руки на груди. — Но если сообщение идёт по закрытому контуру «Ковчега», значит, дед не просто работяга с разводным ключом. У него есть довоенный допуск. Такой человек в форпосте стоит дороже десятка стрелков.

Марк кивнул. Расчёт сходился до копейки. Без толкового механика они с Кирой потратят две недели на то, чтобы наладить ленточную пилораму, собрать нормальный частокол и перебрать фильтр-опреснитель. А с человеком, который знает довоенные узлы и умеет варить металл, лесопилка превратится в полноценную крепость за трое суток.

Но был и обратный край монеты: юго-западный сектор граничил с трассой, по которой ходили дозоры «Железного Тракта». Идти туда вслепую — значит подставиться под пули ещё на подходе.

— Значит, делаем так, — сказал Марк, переходя в рабочий режим. — Сначала закрываем базовую защиту здесь,

чтобы не вернуться к разграбленному терминалу. У нас есть три часа до вечера. Я собираю фильтр-опреснитель из тех клапанов, что сняли на насосной, и завариваю западный пролом стальными листами с помощью портативного инвертора из мастерской. Ты за это время делаешь короткую разведку до сортировочной горки — без вступления в бой, только визуальный контроль тропы и подходов к ТЭЦ.

Кира посмотрела на него с лёгким прищуром:

— Командуешь так, будто мы уже полгода в одной упряжке, Воронцов. А если я уйду и не вернусь? Терминал я уже проверила, свою точку знаю.

— Вернёшься, — спокойно ответил Марк, даже не оборачиваясь от верстака, куда уже выкладывал латунные клапаны, обрезки полиэтиленовых труб и мешок с активированным углём из довоенного респираторного склада. — Потому что в одиночку ты сектор Рудный не вскроешь, а другого координатора с живым узлом связи в радиусе ста километров нет. К тому же на ужин я собираюсь открыть ту самую тушёнку, которую выменяю через час на закрытом аукционе. А после двух суток на сухих галетах даже такой железный следопыт, как ты, не откажется от горячего мяса.

Уголок её губ едва заметно дрогнул.

— Смотри не пересоли, снабженец. Буду через два с половиной часа.

Она бесшумно скользнула в проём северного выхода, растворившись в сером лесу за считанные секунды.

Марк остался один — но это было уже совсем не то одиночество, с которым он вчера стоял под дождём у остова топливозаправщика. Теперь за его спиной ровно гудел дизель, в сети «Ковчега-9» горел зелёный канал связи, а на верстаке лежал первый настоящий инженерный чертёж.

Первым делом он открыл торговый терминал локальной сети. В списке активных узлов региона светились всего семь точек: «Северный Вал», два закрытых бункера научных экспедиций на севере, торговый пост «Перекрёсток» и три анонимных маяка. Марк выставил на закрытый бартерный лот остатки ненужной довоенной радиоэлектроники из шкафа управления пилорамой — три исправных частотных преобразователя, которые в «Перекрёстке» с руками отрывали для ремонта ветряков.

Сделка закрылась через двенадцать минут. Взамен Марк получил подтверждение на сброс малого транспортного контейнера через автоматический пневмоканал старой почтовой ветки (до войны такие проходили вдоль всех крупных промзон, и часть из них до сих пор работала на резервном питании): шесть банок армейской говяжьей тушёнки, две пачки крупы, тридцать патронов двенадцатого калибра и катушку стальной колючей проволоки.

Когда через полчаса в приёмном бункере у западной стены глухо стукнул пришедший по трубе металлический цилиндр, Марк усмехнулся. Экономика начала вращаться.

Следующие два часа он работал без передышки, как в

лучшие годы на пусконаладке. Собрал в пластиковой бочке многослойный гравитационный фильтр из кварцевого песка, древесного угля и латунных клапанов — теперь мутная вода из дренажного колодца за цехом превращалась в прозрачную, пригодную для питья влагу. Затем подключил сварочный инвертор к щитку генератора и намертво прихватил три тяжёлых стальных листа к арматуре западного пролома, оставив только узкую бойницу на уровне плеча. Целостность периметра на экране терминала подскочила с сорока одного процента до шестидесяти восьми.

Кира вернулась ровно через два часа двадцать минут. Она вошла тихо, прислонила винтовку к стене и молча стянула мокрые перчатки.

— На сортировочной горке чисто, — доложила она, подходя к буржуйке, в которой уже весело потрескивали сухие сосновые обрезки, а сверху в котелке закипала вода с тушёнкой и гречкой. — Но вдоль южной объездной дороги два часа назад прошёл пикап «Железного Тракта». Четверо бойцов в лёгкой броне, пулемёт в кузове. Они не сворачивали к ТЭЦ, ушли в сторону «Перекрёстка», но к утру могут вернуться обратно.

— Значит, идём за механиком сегодня ночью, — твёрдо решил Марк, разливая горячую похлёбку по двум жестяным кружкам. — В темноте патрули Крестова сидят на блокпостах и боятся соваться в руины ТЭЦ из-за споровых карманов. А с твоим тепловизором и моим браслетом мы пройдём

туда и обратно до рассвета.

Кира взяла кружку, вдохнула густой пар с запахом настоящего мяса и лаврового листа, и впервые за всё время их знакомства её плечи чуть опустились.

Они ели молча, сидя на ящиках у тёплой печки. Снаружи снова зашумел ночной ветер, раскачивая верхушки сосен за забором, но внутри старого цеха впервые стало по-настоящему сухо и тепло. Когда Кира поставила пустую кружку на пол, она подняла на Марка прямой, тяжёлый взгляд, в котором отражались рыжие отблески огня из щели буржуйки.

— Ты не похож на человека, который три года сидел в тёплом кабинете, Воронцов, — тихо сказала она. — Откуда у тебя привычка считать углы обстрела и варить металл под огнём?

— До вспышки я строил горно-обогатительные комбинаты на севере, — так же тихо ответил Марк, глядя в огонь. — А там, если ты ошибся в расчёте или дал слабину перед подрядчиками, тебя не увольняют. Тебя просто оставляют замерзать в тундре. Этот мир просто снял с людей костюмы, Кира. Правила остались прежними.

Она ничего не ответила, только кивнула, словно приняла этот ответ как единственно верный, и начала проверять обоймы перед ночным выходом.

В полночь они вышли в сектор ТЭЦ-3.

Пробираться через заросшую сортировочную горку в темноте оказалось тяжелее, чем днём: между ржавыми рельса-

ми то и дело попадались провалы в бетонных лотках, затянутые липкой серебристой паутиной спорового мха. Кира вела уверенно, останавливаясь каждые сто метров и сверяясь с ночным прицелом. Дважды они пережидали в тени полуразрушенных вагонов, пока мимо, тяжело стуча когтистыми лапами по шпалам, проходили одиночные «панцирники» — слепые, но чуткие мутанты, реагирующие на любой громкий звук.

Главный корпус ТЭЦ-3 встретил их провалом обрушенной крыши и густым запахом горелой изоляции. Южный коллектор действительно был завален грудой битого кирпича и скрученной арматуры, из-под которой едва слышно доносилось ровное, басовитое тарахтение работающего генератора.

Марк приложил браслет к выведенному наружу кабелю аварийной связи и трижды коротко стукнул рукоятью ножа по стальной трубе вентиляционной шахты.

Через пять секунд в наушнике раздался хриплый, прокуренный, но невероятно бодрый старческий голос:

— Живые! Слава тебе, господи, живые! Эй, наверху, не вздумайте кидать гранату, у меня тут баллоны с пропаном стоят! Если разберёте завал у левой створки — я изнутри домкратом подопру, вдвоём за полчаса вылезем!

Марк и Кира переглянулись в тусклом зелёном свете налобного фонаря.

— Кира, держи периметр на сорок метров вокруг, — тихо

сказал Марк, доставая из рюкзака компактную монтировку и трос. — А я пока откопаю нашему форпосту главного инженера.